

Очень несвоевременные мысли

А я, крестом раскинув руки,
Как оступившийся минер,
Все о беде, да о разлуке,
Все в ре минор да в ре минор...

Александр Галич

Не так давно, в разгар выборов в Законодательное собрание, стены иркутских домов «украсили» лозунги «Скины за...» (далее шло название одной из политических партий). И везде присутствовало изображение свастики. Как бы ни отвратительны были подобные инновации пиарщиков, но списалось все на крайности избирательной кампании, хотя кое-где лозунги и сохранились.

Стоит ли об этом говорить накануне праздника Победы? Мне кажется, стоит. Как у советского классика Владимира Маяковского: «Слава, Слава, Слава героям!!! Впрочем, им довольно воздали дани. Теперь поговорим о дряни...» Уже совсем не экзотикой стало присутствие на мероприятиях коммунистической оппозиции молодых людей в черном, с красно-белыми повязками, где только люди с очень хорошим зрением могут разглядеть не паучий знак, а «наш советский бывший герб». Не хватает только татуировки на бритых черепах. Тот, кто видел нацистскую хронику, сразу уловит сходство. Если не «коричневые» СА, то Гитлерюгенд уж точно. А что же ветераны, которых немало на этих митингах? А они опасливо поглядывают на неожиданных союзников и без особого энтузиазма заученно повторяют: «Хорошая у нас молодежь...» Это вот эти-то бравирующие татуировками и подкованными ботинками?!

Шестьдесят лет назад, весной 45-го, среди многочисленных колонн пленных немцев, японцев и венгров шли и люди, исповедовавшие немудреный принцип: «Хоть с чертом, но против большевиков». Власовцы, красновцы, белорусские солдаты «бригады Каминского», военнослужащие «татарских» и «туркестанских» батальонов. Эти люди, может быть, и заслуживали жалости, но прощения никогда! Они сами выбрали войну против своих народов. А то, что их было более миллиона, за это надо спросить с тех же лидеров КПРФ, славящих отца народов. Как можно было ожесточить своих же граждан, чтобы они залили родную землю кровью земляков и родичей!

Нынешняя оппозиция, радушно принявшая так называемых национал-большевиков в свои ряды, определенно следует тому же лозунгу: «Враг моих врагов – мой друг». А то, что карикатурные фашистоподобные в протестующих колоннах идут рядом с орденосносцами-фронтовиками, для Зюганова и Ко несущественно: и те и другие – пушечное мясо, орудия их собственных целей.

И сразу находятся «интеллектуалы», торопливо переворачивающие прошлое с ног на голову, конструирующие лозунги типа «Вернем Сталина Победе», требующие новых памятников вождю. Не знаю кого как, а меня отвращает вывешенный на центральной улице Иркутска красочный портрет генералиссимуса в окружении маршалов, двух из которых он до последнего держал в лагерях, а еще двух намеревался посадить после войны.

Но соответствует ли мое отношение реалиям массового сознания? Надо признаться, что нет! По данным социологических опросов «Левада-центра», если из 1600 опрошенных 78 процентов считают Победу самым главным событием в жизни страны в XX веке, то только 28 процентов связывает ее с борьбой против фашизма и за демократию во всем мире. А если 21 процент опрошенных главным «кузнецом победы» по-прежнему считает Сталина, а еще 29 процентов готовы признать за ним эту роль «несмотря на многочисленные и грубые ошибки», то так и лезет в голову грубое: «Против народа не поперешь!»

Впрочем, памятуя и противоположное: «Для интеллектуала главное – всегда оставаться в меньшинстве», попробуем немного поразмышлять о закономерностях коллективного сознания и, может быть, коллективного бессознательного. По данным социологов, только 1,8 процента населения России отождествляют себя с «военным поколением». Социолог Борис ДУБИН отмечает: «Ясно, что подавляющее большинство

сегодняшних россиян не могут помнить Вторую мировую войну, поскольку родились уже после ее окончания. Больше того, война для них связана преимущественно не столько с опасностью нацизма для Европы и мира в целом, сколько с судьбами России. Потому эта война для них по-прежнему не «мировая», а «отечественная», начата она не в 1939, а в 1941 году, и победу в ней россияне празднуют 9 мая (а не 8-го, как весь остальной мир)».

Почему так произошло? Исследователи общественного мнения считают, что дело не в вечном конфликте отцов и детей, а в мировоззренческом расколе внутри поколений. И в том, что коллективная память о войне была сформирована не сталинскими идеологами или новейшими ревизионистами, а масштабными мифологическими конструкциями типа фильмов «Освобождение» или «Семнадцать мгновений весны». То есть эпохой Брежнева, о которой более трети нынешних граждан России вспоминают как о «золотом веке» стабильности. Конечно, это характеристика оценочная, но, по определению того же Дубина, «в нынешних массовых представлениях россиян о войне преобладают наиболее эмоциональные характеристики». Коллективное сознание реагирует лишь на самые сильные стимулы и, как всегда в таких случаях, самым распространенным, можно сказать – типовым образом. Доля выбравших менее эмоциональные оценки всегда будет весьма невелика. Аудитория телесериала или масштабного исторического костюмированного фильма всегда значительно больше, чем читавших Василя Быкова, «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, «Сашку» Кондратьева, «Прокляты и убиты» Виктора Астафьева и другие образцы военной прозы. А уж читатели сборников Российского гуманитарного университета «Другая война» или пытающиеся составить свое мнение, учитывая позицию врага (скажем, по книгам Пауля Кореля), вообще составляют микроскопическое меньшинство.

Сегодня, между 1995 и 2005 годами, когда поколение «дедов» в России физически почти ушло, на наших глазах в средствах массовой коммуникации, кино- и телесериалах, учебниках истории, популярной исторической словесности и прочем складывается «новый» образ войны и всего предшествовавшего столетия. Эта системная работа, которая должна в результате задать фокус коллективной идентификации для ближайших поколений россиян уже XXI века, стала через политику государственной поддержки и прямого заказа все более интенсивной, более того – ударной по мере приближения к юбилею Победы. По выражению исследователя: «Инкрустация этого образа относительно “новыми” элементами (символами великодержавности и православия, с одной стороны, приемами голливудской поэтики и пиротехники – с другой) не затрагивает принципиальных и достаточно устойчивых во времени моментов конструкции “ключевого события” и “истории” в целом, вместе с тем обеспечивая большинству населения адаптацию к нынешнему дню». Иными словами, дело здесь не просто в идеологии самой по себе (она может в определенных границах видоизменяться) и не в символических структурах как таковых, типа: «Мы сорвали штандарты фашистских держав, целовали гвардейских дивизий шелка...» (они, вопреки расхожим банальностям, никогда не «витают в воздухе» и не «впитываются с молоком матери»), а в направленной работе институциональных механизмов социальной системы.

Связь между представлениями о лучшем времени столетия (брежневское двадцатилетие) и о главном событии века (Победа в войне) указывает на то, что образы коллективной идентичности и несущие их ядерные структуры для России конца века сложились в сравнительно мирную, благополучную для масс брежневскую эпоху. Далее они пережили крах советской системы и удержали свое значение в процессах ее разложения и распада. Они сглаживают самые болезненные последствия этого распада для индивидуального и коллективного сознания. Но дело этим не ограничивается: устойчивость названных символических структур обеспечивается их функционально центральным положением в системах коллективной идентификации россиян. Других столь же актуальных, столь же положительных и столь же общих символов для населения России сегодня нет. По тому же Дубину: «Героизация войны, монументализация ее коллективного образа – вовсе не свидетельство памяти, а указание на место забвения, амнезический след или “шрам”, который собственно и демонстрируется респондентами при опросах и с навязчивостью тиражируется средствами массовой коммуникации. Перед нами, можно сказать, своего рода кенотаф, надгробье над отсутствующим в этом “месте” сознанием – над несостоявшимся фактом осмысления: памятник, но не память». А это значит, что травматическое событие Второй мировой войны в России – в отличие, например, от Германии – реально не пережито. Не поняты причины происшедшего, его ход и движущие силы, смысл и последствия. Из войны, из «работы траура» вслед ей, вокруг нее и по ее поводу не извлечен опыт, который бы сделал невозможным в дальнейшем то развитие общества, которое привело к войне. Населению России, ее властным и другим элитам не привит на будущее иммунитет к тоталитаризму, ксенофобии, к социальной пассивности и изоляционизму, зависти и инфантильности, на которые всегда опирались и сегодня опираются недемократические режимы.

А у черных свои «мыслители», один из которых торопливо тиснул в Санкт-Петербурге сборничек

«размышлизмов» «Сила взрывной волны» с такими вот перлами: «У меня перед глазами кадры немецкой военной хроники 1941 года... Крупным планом даны <немецкие> танкисты. Они сидят на броне и о чем-то спорят... (А далее внимание! – О. В.) Они на самом гребне передовой волны... армии... не знающей поражений. Они оплодотворены и рождены в Победе. Это воины блеска, несущие первородство дети Духа воинственности... Взгляд победителей устремлен куда-то сквозь и поверх, в воображаемую точку трансцендентного пространства...» (статья «О духе воинственности»).

Как можно восхищаться этим символом безнаказанного, наглого зла! А вот оказывается можно, как петь гимны братве как новому коллективному господину или воспевать пьяный мордобой в статье «Феномен праздничной драки». Это интеллектуальное лакейство перед «быками», неважно, в черных куртках они или в длинных кашемировых пальто, заставляет вспомнить старый образ горьковской прозы – «измощенничавшегося русского интеллигента».

Мой отец, прошедший от Донбасса до Белграда, в те редкие дни, когда домашние уговаривали его надеть награды, как-то грустно сказал мне: «Знаешь, я чаще всего вспоминаю паром Баку – Красноводск, где мы, раненые, умирали от жажды на раскаленной палубе...» Для меня 9 мая был и остается днем Скорби и Памяти. А военные оркестры и запоздалые поздравления – это все мишура. Лучше всего молчаливый поклон...

Олег Воронин, редактор общественно-политического отдела «Иркутской Губернии»

Автор: Артур Скальский © Babr24.com ОБЩЕСТВО, ИРКУТСК 👁 5833 07.06.2005, 17:05 📌 415

URL: <https://babr24.com/?ADE=22203> Bytes: 10389 / 10322 Версия для печати Скачать PDF

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читай те эксклюзивную информацию в соцсетях:

- Телеграм
- Джем
- ВКонтакте
- Одноклассники

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:

irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krsyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/@nsk24_link_bot)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/@tomsk24_link_bot)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/@babrobot_bot)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)